

«Ненавижу!» — такими были первые чувства, которые он помнил после тьмы небытия. Ненавижу людей, тыкающих мордой в дерьмо, наглого кота, детей, таскающих за хвост, ненавижу игры, поводок и ошейник. Ему бы простили кучи и лужи на полу в обмен на щенячью шалость и привязчивость, но их не было. Чаще всего он молча сидел в углу, неприязненно наблюдая за людьми, на их попытки погладить, приласкать, поиграть показывал мелкие острые зубы, при наказаниях не визжал, но пытался укусить.

В доме решили, что он — сторожевик, еще щенком выселили на холодную улицу и посадили на тяжелую цепь. Но он не проявил себя и сторожем: никогда

не лаял, озлобленно смотрел на людей желтыми волчьими глазами и грыз железную цепь, мечтая о свободе. В голове его витали смутные картины леса, которого он никогда не видел в этой жизни, и ощущение полета. Однажды к будке подошел человек с резким запахом. Длина цепи позволяла достать его. Был бесшумный рывок, зубы впились в плоть, на языке затеплился вкус крови.

Его били. Было больно, но он молчал, впервые ощущая успокоение от ненависти. Но это длилось недолго: едва стал забываться вкус крови, ненависть ко всему, что окружало, засадила с новой силой. Бивший его человек подошел к будке с миской. Из нее так пахло свежим вареным мясом, что пасть наполнилась слюной. Человек поставил еду на землю и опасно протянул руку, чтобы миролюбиво потрепать по загривку. Снова на языке был вкус крови и недолгий, но сладостный душевный покой.

На этот раз его не били: подвесив на цепи и ошейнике, опустили в ящик, закрыли и повезли. После резкого запаха бензина смрадно запахло псиной, после рокота машин послышался беспрестанный хрип и лай. С ошейником, но уже без цепи он очутился в клетке по соседству с двумя собаками, отполз в дальний угол и задремал, сквозь прикрытые веки наблюдая суету за решеткой.

Вечером со скрипом приоткрылась и захлопнулась дверь, в нее просунули еду, подванивавшую мясом. Собаки, рыча друг на друга, с жадностью стали есть. Он не пошевелился, оставаясь лежать. Человек за решеткой насмешливо наблюдал за ними. Круглоголовый, круглоглазый и усатый, он походил на толстого кота, баловня людей из воспоминаний о доме. Собаки насытились и отошли от корыта. Там еще оставалась еда, но новичок не притронулся к ней. Человек-кот покачал головой и с важностью проследовал к другим клеткам.

Среди ночи собаки доели остатки пищи, на другой день все повторилось. И снова человек-кот в широких штанах и фартуке с любопытством наблюдал за новеньким. К нему подошел другой, похожий на долговязую овчарку из соседней клетки, с глазами, в которых светилось упоение своей значимостью, спросил:

— Как наш красавчик?

— Похож на овчарку, но трусоват. Наверное, помесь с лайкой: самая никудышная из всех помесей.

— С виду так не подумаешь! — презрительно оттопырил губу человек-пес. — Ничего, кому-нибудь сплавим!

Поглядывая на новенького, поджарая вислоухая дворняга из клетки добродушно виляла хвостом. Другой, приземистый коренастый пес с мохнатой мордой и глазами, завешенными ворсом, глядел пристально, озлобленно. В очередной раз наевшись, он срыгнул воздух, поскреб задними лапами доски настила, прикрытого сеном, угрожающе зарычал. Новичок пулей выскочил из угла. Добраться до горла, куда метил, сразу не удалось: на зубах закрипел густой слой шерсти, но клыки все глубже зарывались в нее. Едва на языке затеплилась кровь, мохнатый завизжал, вислоухая дворняга поджала хвост и забилась в угол. Прибежали Кот с Псом, ловко зацепили крюком за ошейник, прижали голову к решетке. Его почти не били, но полузадушенного бросили в отдельную клетку, и он впервые был доволен тем, что лежит один и защищен от окружающих прочной сеткой. Сердце билось ровно и спокойно, отпускала обычная ненависть. Он даже блаженствовал, пока ощущал на языке вкус собачьей крови.

— Волк! — удивленно разглядывая его, решили Кот с Псом.

— Какой-то придурок восстанавливает вырождающихся лаек волчьей кровью,

держит вольер за городом, — обиженно пролепетал круглолицый Кот. Теперь он смотрел на новичка без насмешки, тоскливо и затравленно. — Полукровок и кварталонцев по договору обязан ликвидировать, но раздает щенков, а мы — расхлебывай отсежки его бизнеса.

— Похоже, этот урод задержится надолго.

Люди ушли. Он лежал за решеткой и прислушивался к звукам псарни, к отдаленному рокоту машин, урчанию большого города. Иногда до него доносился вой сирен, и он приглушенно, сдавленно откликался, издавая звуки, похожие на стон. Никто не мешал его видениям свободы, то и дело возникавшим перед закрытыми глазами: сумеречному лесу и полету среди деревьев, гостеприимно раскинувших зеленые ветви. В клетке было лучше, чем в доме и на цепи.

Прошло много дней. Однажды, в сопровождении все тех же Кота и Пса, к нему подошла женщина, восхищенно взглянула на узника светло-кариими глазами, безбоязненно просунула кончики пальцев за сетку. Кот с Псом опасливо отдернули ее руки. Женщина послушно опустила их, прижалась к сетке лбом, и ее глаза из светло-карих сделались зелеными.

— Какой красавец!

Что-то смутно знакомое почудилось ему в ее облике и запахе, так окативших волной любви и доброты, что он чуть не вильнул хвостом, опущенным, как у волка, но длинным, как у овчарки.

— Для охраны усадьбы подойдет! — глядя в сторону, вальяжно промурлыкал человек-Кот. — Но только как цепной!

— И сколько же он стоит? — не спуская с него менявших цвет глаз, спросила женщина.

— Берите даром!

— А как его зовут?

Мужчины переглянулись и дали ему имя — Дар.

Они опять ловко зацепили ошейник железным крюком, прижали голову к решетке, умело опутали намордником и пристегнули цепь. Конец ее женщина взяла в руку, полную, мягкую, в которую могли глубоко и сладостно вонзиться клыки, но такого желанья не возникало. Удивляясь себе, Дар послушно пошел рядом, касаясь боком ее обнаженной ноги.

Она привезла его в загородный дом, возле которого росли несколько сосен и берез, напоминавшие видения леса, прицепила конец цепи к толстой проволоке, натянутой вдоль стены и, вопреки предупреждениям Кота и Пса, сняла намордник. Дар рассеянно клацнул зубами возле ее руки, но не укусил, уставившись на доступную икру ноги. Желания впиться в нее зубами не было, пропала привычная ненависть. Она погладила его по широкому волчьему лбу. И он, тихонько смакуя запах ее кожи, шевельнул черными ноздрями. Ему была приятна ласка. Но едва женщина ушла в дом, он почувствовал себя настолько униженным, оскорбленным, что впервые громко залаял и стал рваться с цепи.

Рассеянность чувств прошла, ненависть вскипела с прежней силой, но не к ней, а к себе, к тому, что готов подчиниться. И вдруг, с полной ясностью он почувствовал внутри себя причину бед — дрожащую от страха сучонку, отдающуюся его отцу, ее умиление перед силой и ужас — не сожрет ли, удовлетворив страсть. Глядя вниз, где в сумерках вечера в смрадной дымке выхлопных газов зажигал огни город, он завыл:

— Отец! Зачем ты сделал меня таким?

Женщина вынесла тазик с едой, и опять он не укусил ее, когда была рядом. Постояв в раздумье, придвинулся к еде, стал есть, поскуливая от унижения, с которым впервые мирился.

Издалека и со всех сторон доносился лай, к ночи он усилился. От безделья цепные псы собачились и ругались, как в вольере. На этот раз, невидимые, они взбесили его. Он рванулся с цепи на самый неприятный голос и громко, с ненавистью залаял, желая тишины. Собаки отвечали ему тем же.

Среди ночи Дар вырвал голову из ошейника и, ошалев от счастья, бросился к лесу. Люди перестали его злить. Он равнодушно проскочил мимо пешеходов. Взрывая сильными лапами землю, дал большой полукруг, выбежал на тракт, едва увернулся от налетевшей на него машины и бросился в кустарник. Под лапами шелестела пропыленная трава. Проскочив узкую лесополосу, Дар выскочил к забору, побежал в другую сторону, но и там путь преграждали либо забор, либо асфальт. В одном месте он увидел кота, рванулся и догнал его в три мощных прыжка. Это был не тот жирный кот, которого все баловали в полузабытом доме. Тощий, с вислой невылинявшей шерстью, обмороженными ушами, он резко обернулся, подскочил на месте, впился когтями Дару в нос и в следующий миг, изогнутый дугой, возмущенно урчащий, оказался на дереве.

Проблуждав всю ночь, обессиленный, Дар с брезгливостью загрыз какую-то шавку, но есть ее не стал, и весь день пролежал в пыльном кустарнике, прядая ушами от рокота города. Свобода, блазнившаяся ему в клетке, оказалась совсем иной. В сумерках, опустив голову и хвост, он поплелся распутывать свои следы, чтобы вернуться к ненавистой цепи. Дар простил бы себе свое унижение из-за голода, но не мог простить того, что возвращается к Ней не только ради еды: в этом гадком мире он не знал места лучше, чем Ее дом, не помнил человека или животного, возле которого ему было так хорошо, как рядом с Ней.

Он нашел знакомый двор, доел остатки еды в тазу, устало лег возле стены, цепи и ошейника. Она увидела вернувшегося пса из окна, вышла на крыльцо, безбоязненно подошла к нему, села рядом и стала уговаривать позволить надеть ошейник. В ее голосе были сострадание и жалость, которые уже не унижали Дара, познавшего подлинную свободу. Как пес, он позволил надеть на себя ошейник и погладить по лобастой голове. Ему была приятна мимолетная ласка женщины, но унижительны свои терпимость и приязнь к человеку. Через некоторое время с сердечной тоской он смирился с тем, что у него есть хозяйка, но больше прежнего возненавидел людей.

Она плакала, когда он кусал ее подруг и друзей, бывало, оттаскивала его за хвост. Дар кусал и ее, но не до крови. Гостям же иной раз приходилось так тяжело, что вызывали скорую помощь. Потом Она корила и уговаривала его, сидя против будки, а пес, успокоенный и умиротворенный, покорно глядел на Нее желтыми волчьими глазами, и пока в пасти ощущался вкус крови, в душе был покой, а в сердце приязнь к Ней. Потом он лежал под стеной, с высоты горы смотрел на урчащий город и тихонько подвывал доносившимся оттуда сиренам. Но едва пропадавал вкус крови в пасти, снова накатывала ненависть к людям и собакам.

Однажды, разъяренный своей цепной долей, он нетерпеливо ждал очередного гостя и услышал его легкие вкрадчивые шаги, потом почувствовал резкий запах свежего пота: человек не приехал на машине, но забрался на гору пешком. Дар спрятался, приготовившись к прыжку. Калитка открывалась долго и осторожно. Показался человек, мосластый, поджарый, чуть сутуловатый, с пристальными на-

стороженными глазами. Он показался Дару похожим на большого тощего кота с отмороженными ушами, того, который безнаказанно оцарапал его нос и увернул-ся от клыков. Дар уже не сомневался в легкой добыче, и сделал верный бросок.

Миг полета с цепью на шее показался ему долгим. На лету он успел увидеть серые глаза, блеснувшие так ярко, что слегка ослепили. В них не было ненависти, не было и страха, как у того потрепанного бездодем кота, в этих глазах была зна-комая, затаенная боль, в которой Дар уловил что-то свое, глубоко выстраданное, и не сильно удивился, когда его клыки столкнулись с крепким каблуком.

Гость ловко отскочил за черту доступности, слегка оскалив зубы, схватил палку и снова оказался рядом. Ударил умело: больно, но не повредил ни ушей, ни глаз, даже не оцарапал морды, удивился, что пес не завизжал, а яростно схватил палку зубами и стал крошить ее конец. Они оба с любопытством разглядывали друг на друга. С лица человека не сходил оскал, как знак готовности постоять за себя. Дар опознал его всем своим нутром и впервые почувствовал в человеке силу, способную на равных противостоять ему без цепей, ошейников и намордников. Ненависти не ubyло, даже наоборот: все, что пес ненавидел в себе, с негодовани-ем обернулось против гостя.

Обороняясь палкой и насмешливо поглядывая на клацающего зубами, рвущего-ся пса, пришелец безбоязненно обошел его в презрительной близости и, недоступ-ный, расселся на крыльце. Хозяйки не было. Нежданный человек возле ее двери был для Дара нестерпим. Задыхаясь, он рвался, хрипел и лаял. А гость все с тем же любопытством смотрел ему в глаза, пытаясь узнать то, что никому знать нельзя.

— Урод! Урод! — негодовал пес, беснуясь. — Такой же урод как я, только в человеческой шкуре!

— Что, брат?! — блеснули серые глаза и в знакомом оскале обнажились зубы. — Не узнал старого волкодава?

— Урод! Урод! — рвался с цепи Дар, но гнездившаяся в нем сучонка боялась нечаянно сорваться и освободиться.

Хозяйка вернулась, как всегда уставшая, нагруженная пакетами. Она не удиви-лась гостю, сидевшему на крыльце, ни словом, ни взглядом не осудила Дара, что пропустил его, и пес стал успокаиваться.

— Откуда у тебя полуволчара? — кивнул на него гость. — Как угораздило посадить его на цепь?

— Почувствовала, если не уеду из города — сойду с ума. Продала квартиру, купила дом, — сказала Она, ласково поглядывая на успокаивавшегося Дара. — Переехала. Одной, без собаки страшно, щенок — не помощник. Съездила в «К-9», там мне его и дали, бесплатно.

Гость опять усмехнулся и попросил вдруг:

— Сними-ка с него шерстинку!

— Зачем?

— Хочу посмотреть.

Она подошла к настороженно рычавшему Дару, потрепала загривок. Он снял с ее пальцев ворсинку, приподнял, щурясь, посмотрел на свет.

— Собака! Полукровка или квартиронец. Беспонтовый пес, оттого и кусает твоих друзей. — Он помолчал и добавил вдруг: — А клыки у него настоящие, как у матерого волка.

Гость окинул тоскливым взглядом ее дом, несколько берез и сосен в простор-ном дворе.

— Да уж! — усмехнулся. — Одной здесь не выжить.

— Дому нужен хозяин! — согласилась Она и спросила вдруг, шаловливо поглядывая на гостя прищуренными глазами: — А почему ты выбрал именно меня? Моложе и красивей не нашел?

— Когда познакомились по телефону, ты сказала, что за любимым хоть на край света! И еще, что не хочешь жить в городе. А при первой встрече показалась мне похожей на волчицу! — вполне серьезно ответил Он и, заметив ее взметнувшиеся от удивления брови, пояснил: — В прошлом, грешен, вынужденно зарабатывал на жизнь охотой на волков. Как говорят у вас в городе — был киллером. Но я не только убивал, — стал вдруг оправдываться, глядя на Дара. — За хорошие деньги просили добыть живого. Нет на мне такого греха!

Она не поняла, зачем Он сказал это, гость догадался по ее лицу и добавил:

— После той работы идеал женщины и жены у меня сильно переменялся в сторону волчиц.

Они стали жить в ее доме. Уходили утром. Он возвращался раньше, уставший, потрепанный, провонявший городом, то есть табаком, перегоревшим бензином, дезодорантами, и в его глазах тлела знакомая Дару ненависть к вынужденному смирению. Время от времени пес кидался на него, а Он бесстрастно тыкал деревяшкой в пасть и любовался, как тот крошил ее крепкими клыками. Затем кормил Дара, оставаясь у края черты, за которую мешала прорваться цепь, подливал воду для питья. Дар показывал клыки, пугал, делал ложные выпады. Запах хозяйки перебивал прежний запах гостя, но был холодным, мертвящим, без живой доброты и любви. Эта помесь то раздражала Дара, то успокаивала, и его переставало томить желание познать вкус крови этого получеловека.

Потом они вместе ждали Ее, словно сговорившись о временном перемирии, сидели неподалеку друг от друга, глядели вниз, на город. Дар тихонько подвывал, а Он мычал и мотал головой. Она возвращалась тоже уставшей, но не такой ослабленной, как Он, садилась между ним и Даром, одной рукой ласкала сторожевика, другой гладила Его по спине.

— Зачем сутулишься? — спрашивала. — Со стороны, в одежде не подумаешь, что у тебя атлетическая фигура, мускулы, как у спортсмена.

— Зачем это знать кому-то кроме тебя? — Он обнял ее, и Дар одобрительно заурчал: псу было приятно, что Она смиряет не его одного. — Стараюсь следить за собой! — выпрямился Он. — Несколько лет охотился на пару с другом. Тот сутулился и открывал рот при ходьбе. Потом его убили. Не я!.. — Спохватился, оправдываясь. — Только я почему-то стал сутулиться, открывать рот и вообще... Как перестаю следить за собой, так становлюсь похожим на него.

Ты тоже, только на первый взгляд — волчица! — насмешливо взглянул на нее. — Глаза светло-карие, почти желтые, но добра и беззащитна, как божья коровка.

— Урод! Урод! — Через ее ноги бросился на Него Дар. Шкрябал перед его лицом лапами с растопыренными когтями, придушенно дышал в Его лицо разинутой пастью.

Он понимал кобеля, волчий оскал кривился, меняясь на грустную усмешку, снова кошачьей дугой сутулилась спина:

— Хотя, зачем тебе быть волчицей? Один защитник у тебя уже есть.

— А ты? — в упор спросила Она.

— У друга, которого убили, была мечта построить дом в лесу и жениться. Я смеялся над ним, а сейчас имею дом в тихой таежной деревеньке из пяти дворов, кое-какой заработок. Не хватает только жены. Поедем ко мне?

— Чем плохо у меня? — обиженно заморгала она длинными ресницами.

— Город урчит, воняет, — неприязненно пробурчал Он. — Соседи то ракеты пускают, то заводят дурацкую музыку — «бум-бум»! Высоковольтовка — тоже, — обернувшись, кивнул на линию электропередачи, и его спина изогнулась колесом.

— Она же далеко!

— У меня от нее будто щетки по телу.

— А как же Дар? — стала колебаться Она.

— Я его безболезненно ликвидирую!

— Как это безболезненно? — в ее голосе послышался резкий протест.

— Два контакта на триста восемьдесят — укусит и улетит на переподготовку. — Он без смущения взглянул в желтые волчьи глаза Дара и кивнул ему. — А что? Вернешься настоящим волком или собакой.

— Нет! Я на это не согласна! — в ее голосе дрогнули скрытые слезы. — Я к нему привыкла. Я его полюбила. Он принял меня.

— Тогда возьмем с собой, — неуверенно предложил Он. — Попробую его в тайге, вдруг на что сгодится. Медведей у нас много, на помойку приходят. Кабаны в моем огороде картошку роют.

Они забили досками окна дома и собрались переезжать. Однажды Она надела на Дара намордник, пристегнула к ошейнику цепь, а Он намотал ее конец на свою руку, при том из его заднего кармана торчала остро заточенная отвертка. Дар попрыкивал, но не бросался на Него, не рвался с цепи, не буянил. Они ехали сначала в машине, потом в электричке, битком набитой народом. От множества людей и запахов пес растерялся, залез под сиденье. Кто-то попытался его погладить. Дар угрожающе зарычал, Он сжал его загривок и приставил к шее отвертку. Потом они ехали в другом поезде, там было просторней. Дар терпел, терпел и Он до внутренней дрожи и зубовного скрипа, которые Дар хорошо чувствовал, как собаки чувствуют состояние хозяина.

Неподалеку от них сидели два молодых человека с запахом табака и бензина, мирно пили зловонное пиво, разговаривали об охоте, стрельбе по зверю и птице, тихо шутили и посмеивались. Когда они сошли с поезда, Он, облегченно вздохнув, пробормотал вслед: «Палачи!»

— Охотники! — заспорила Она. — Культурные ребята, не позволили себе ни одного матерного слова, не то, что эти, — неприязненным взглядом окинула шумных и пьяных пассажиров.

— А ты слышала, что они говорили?

— У них высокая зарплата, начальник — тиран, постоянно унижает, дома — жадные до денег жены. Единственная отрада — охота!

— Ничего ты не поняла! — Он вздохнул, слегка скалясь, его спина распрямилась, от напряжения мышц вздулась тугая шея, и в глазах блеснули знакомые Дару огоньки.

Наконец распахнулась железная дверь, Дар спрыгнул на землю, окинул взглядом окрестности. Это была та самая лесная падь, которая являлась ему в смутных видениях. Он узнал лес, небо над ним, запах чистой воды и принял все за свое, кровное. Где-то рядом лаяли собаки. К Дару, как к чужаку, подскочила дворняга с пышным хвостом, обнюхала, и с высокомерной важностью приставила к носу, закрытому намордником, свой зад: внимай, дескать, с кем имеешь дело. Дар зарычал, подмял ее и обслонявил, вымещая терпение в пути. Удерживая за цепь, Он оттащил его от полузадушенного пса. По тому, как, услышав их, притихли другие собаки, Дар почувствовал страстное желание навести здесь порядок.

А друг хозяйки не ко времени куда-то заспешил. Он открыл для Нее дом, топлоиво посадил Дара в козлийный загон, привязал цепь к столбу, придумав для своей женщины какую-то причину, ушел к ночи с рюкзаком, бросив ее одну. Всю ночь Дар лаял от обиды и напускал страх на здешних псов, к утру свалил столб, изгородь из металлической сетки и запутался в них.

Она не могла сама освободить Дара, только утешала его, пыталась приласкать и накормить. Ее друг вернулся к полудню, успокоенный, подбровевший, с погасшими глазами и прямой спиной. Он безбоязненно выпутал Дара из сеток, проволок, а тот даже не попытался его укусить. Обида за Нее прошла, пес чувствовал, что у ее друга на языке вкус крови. Досадливо осмотрев устроенный непорядок, Он даже не обругал Дара.

— Я знаю, ты был не на охоте! — тихо сказала Она. — Как будем жить? Ведь мы совсем не знаем друг друга?!

— Жить надо хорошо, для этого мы и встретились, для этого так долго искали друг друга, — устало отвечал Он, и глаза его были красны от бессонной ночи. — Ты будешь прибирать в доме, готовить еду, я — добывать продукты и дрова. Ведь я писал тебе, что до полного счастья мне не хватает только доброй, не скандальной жены. И в постели мы подошли друг другу. Что еще?

— Ты убил их?

— Нет! Наказал! Слегка пугнул! По таежным понятиям и народным правилам охоты нельзя так относиться к добыче.

— Почему ты не сказал им об этом в поезде? Струсил сделать это открыто, по закону?

— Струсил! — признался Он, губы его скривились, а прищуренные, успокоенные глаза снова стали разгораться. — Эти твари не раз портили мне жизнь. В том мире, — кивнул в сторону города, — все законы заточены под них. Начни действовать по ним — выставят и виноватым, и дураком. Тебе этого не понять, пока! Да и не нужно понимать. Ты — женщина!

— Мы с тобой решили создать семью, а я совсем не знаю тебя! — мягче сказала Она, но в ее голосе Дар почувствовал подступающие слезы, в горле у него заклокотало, мышцы напряжились, готовясь к броску.

— Мы должны до конца понимать друг друга, — тверже потребовала Она. — Я писала тебе, и говорила: мне мало еды и постели, я хочу любви. Только ради нее готова жить где угодно и с кем угодно...

— Бывают палачи, которые просто исполняют свою работу, некоторые делают это хорошо, — присаживаясь, отвечал Он усталым голосом. — Те, о которых ты говоришь — другие! Они убивают сладострастно, не для еды, а для потехи, еще и смеются над жертвами. Ты же слышала. Грех не наказывать их. Тайга такого не прощает. Ха! Попискивали там — надо жить по законам, а не по понятиям! Надо, чтобы законы совпадали с понятиями. — Он вдруг жестко усмехнулся, показав зубы. — Знаешь, как ведут себя палачи, когда понимают, что скоро станут таким же мясом, как убитые ими? Впрочем, тебе этого не надо знать! Ты — не волчица! Хотя, глаза...

— Я чувствую в тебе слабость и страх, хотя умом понимаю, что ты сильный и надежный мужчина. Сейчас ты говорил и вдруг стал очень похож на Дара. Скажи, ты — сидел!

— Сидят на унитазах! — неприязненно обронил Он. — Я отбывал срок, и даже два. Хулиганка и побег — семь лет, из них пять на строгом режиме. Тот мир ненавидит меня с юности. Что? Не подхожу для большой любви? — Тряхнул головой,

встал, подхватив рюкзак, и поплелся к дому. Дар, настороженно молчавший, пока они разговаривали, растерянно залаял вслед.

Она погладила своего пса и пошла за Ним.

В доме было тепло и прибрано. Он содержал его в чистоте, но тот порядок был холодным, мужским. Теперь хватало взгляда, чтобы понять — здесь есть женщина. Пахло хлебом и борщом. Он огляделся, обнял ее:

— Вот этого мне и не хватало для полного счастья!

— Мне нужно съездить в город, подумать, во всем разобраться. Обещаю, в любом случае вернусь. Твой срок меня никак...

Он переоделся, умылся, неторопливо поел.

— Вольному воля, — сказал после затянувшегося молчания. — Хотя, жаль, конечно... Мне с тобой хорошо.

У меня за речкой огород, — заговорил о другом. — Кабаны на моей картошке жируют. Привяжу-ка я твоего Дара там, пусть сторожит. Все какая-то польза! Не везти же его обратно?!

— Если бы увезла, то с концом, — Она улыбнулась одними глазами, присела рядом, обняла, положив голову ему на плечо.

— Расскажи о себе, — попросила ласково.

— Жил в деревне, семья большая, бедная, а я уродился необычным ребенком, потом стал необычным парнем: хорошо учился, не пил, не курил, как сверстники, после школы поступил в техникум, сразу на третий курс, чтобы скорее зарабатывать. Родня гордилась, председатель прочил свою должность в будущем.

Но город за что-то возненавидел меня. На День СА и ВМФ я получил приписное свидетельство и первый раз в жизни, как все сверстники-однокурсники, выпил стакан водки. Стало так хорошо, что хотелось обнимать и целовать всех встречных. Зашел в общагу, дежурный препод что-то заметил, обхватил со спины руками, я ткнул макушкой и разбил ему губы. Поблизости оказался мент, вызвал «воронок», меня увезли, и оказалось, в это самое время была кампания против хулиганства. В общем, все как по заказу. Препод просил, из технаря дали хорошую характеристику, председатель просил — не помогло: до совершеннолетия продержали в крытке, потом справедливый суд дал три с половиной года общака, с учетом того, что выждал в тюрьме. Судьба! С половины срока по молодости и дури бежал. Оказался в лесу. Чуть не сдох от голода, но вышел на охотничью избушку с запасом продуктов и два месяца прожил, шляясь по тайге. Наверное, я бы и сам потом сдался, но пришел охотник, пообещал взять помощником на зимний промысел, а вместо этого сдал. Явились родимые, каким-то чудом не убили. После лазарета припаяли новый срок, и с прежними двумя годами отбывал я его уже в вашем городе, вспоминал о летних бегах и тайге, как о рае. Еще тогда решил, если освобожусь, буду жить в лесу. Иди он, этот ваш... Не сразу, не без проблем, но нашел здесь работу, купил дом... И ничего мне не надо, кроме тебя!

— Кроме женщины! — со вздохом поправила Она и добавила: — Я вернусь, ты не сомневайся.

Она вернулась, каждый день приходила к Дару, кормила и ласкала, а он уже не злился на свою привязанность к ней, жадно ловил звуки деревенской жизни, яростно откликался на них лаем и скрежетом цепи. Все чаще переходил речку Он, чтобы накормить. Они даже подружились. Дар стал забывать свою первую ненависть к нему. Теперь Он казался просто человеком с Ее запахом. Они подолгу, без неприязни, сидели рядом, слушали лес, шум горной речки.

Здесь Он был сильнее, чем в городе, пес перестал чувствовать в нем внутреннюю дрожь. Раздражало, что Он не любил Ее так, как Дар. Просто ему было хорошо с ней. Он любовался ее танцующей походкой, статью и внешней силой, слушал Ее песни, но не замечал того, что видел и любил сторожевик. Он искал волчицу, а Она была женщиной. Это Его непонимание не вызывало в Даре ненависти, но в его смутном сердце таилась обида, которую не на ком было выместить.

Наконец, случилось то, чего сторожевик поневоле ждал. Друг хозяйки перешел через речку в высоких сапогах с рюкзаком, отстегнул от ошейника цепь и взял Дара на поводок. Пес рванулся, к речке, к Ней и в деревню, чтобы навести порядок среди собак, которые теперь злили его больше, чем люди. Но Он с силой потянул поводок в другую сторону. Они долго шли по тропе, наконец, Он отстегнул поводок и дал Дару полную волю.

Душа пса обомлела от смутно помнившихся запахов. Не издавая ни звука, пес ловил носом ветер, обнюхивал траву. На тропе лежали катыхи, Дар втянул в себя их запах, понял, что зверь огромен и силен, у него длинные клыки, почувствовал, что должен сделать что-то важное, но не знал что, и брызнул на кучу мочой. Охотник усмехнулся и с сожалением покачал головой. Потом была куча с запахом очень большого и сильного зверя с длинными когтями. Чувствуя, что надо сделать что-то важное, Дар наложил на нее свою кучу.

— Ну, ты воще! — пробормотал Он. — Похоже, тебе и до собаки, как до луны...

Они шли дальше. Свободный Дар, след в след, шел за человеком, вынюхивал землю и громко пыхтел. Вдруг в его ноздри ударил резкий запах, пес сел и уставился на чудище. Впереди, в полусотне шагов, медведица пыталась снять с дерева медвежонка. Человек увидел ее слишком близко и мгновенно оценил ситуацию: склон крут, повернуться спиной к зверю нельзя, спускаться к речке, оказаться под ним — обязательно бросится, вверх не пустит. Медведица рывкнула два раза и бросилась вниз, к воде, оставив на дереве медвежонка. Он резко развернулся. Посреди тропы сидел Дар и с любопытством разглядывал зверей. Друг хозяйки пнул его, освобождая путь, и обернулся. Медведица снова подскочила к дереву с медвежонком, и от него по тропе понеслась на человека и пса. Ее черные губы были задраны в оскале, желтые зубы обнажены.

Он сорвал с плеч рюкзак, вскрикнул два раза, как только что ревела медведица, размахивая над головой мешком, бросился на нее. Она не выдержала, соскочила с тропы вниз, а Он, еще раз поддав Дару пинком в бок, столкнул его с тропы и, часто оборачиваясь, пошел в обратную сторону.

— Урод! — на ходу ругал Дара. — Ты же меня подставил. Если бы не сопел, я бы услышал раньше и ушел в сторону. Придурок! Да любая шавка, учуяв медведя, так завертелась бы под ногами, что я бы все понял... Твое счастье, ружье далеко. Здесь бы и пристрелил под горячую руку.

Они поднялись на гору другим местом. Он отыскал ружье с сильным запахом машинного масла и прелой ткани, вставил патрон, но его ненависть остыла. Дар безмолвно стоял перед Ним, восторженно озираясь волчьими глазами, и не опасаясь выстрела. Он плюнул под ноги, закинул ружье за спину и быстро зашагал по лесу.

Дар шел за ним, стараясь не отставать. Время от времени они садились на траву. Пес, высунув язык, ложился, громко дышал и клацал зубами, отбиваясь от навязчивых мух. Охотник прислушивался к лесу:

— Ну, хоть тьякни! — насмешливо ругал пса. — Я, по вашим понятиям, слепо-безносо-глухой, и то слышу изюбра. Ты-то куда пялишься?

Они пришли к маленькой избушке, скрытой в чаще. Он затопил печь, Дар, высунув язык, лег у входа, опять клацал зубами на досаждавших мух и молчал. Он не издал ни звука и ночью, когда уловил знакомый запах медведя, услышал его шаги и клацанье когтей. Так долго грезившийся ему лесной мир удивлял, потрясал и не вызывал желания нарушать лаем приятные звуки.

Охотник поднялся рано утром, рассыпав по столу патроны, тщательно выбрал несколько штук, вывалил на пол остатки каши и запер Дара в избушке. Тот съел кашу, лег на нары, на Его одеяло, и снова принялся слушать лес, то и дело впадая в сладостную дрему. Где-то далеко раздался неприятный, чуждый этому миру, хлесткий звук выстрела. Дар насторожился, подняв голову. Звук не повторялся. После полудня послышались Его тяжелые шаги, донесся резкий запах пота и свежей крови.

Он открыл подпертую дверь, Дар выскочил из избушки, ткнулся носом в рюкзак, от которого пахло кровью.

— С тобой напрасно бы прошлялся, только распугиваешь дичь. Ох, и беспонтовый же ты, паря! — вздохнул с сожалением.

Потом варилось мясо. Крепкими зубами Дар с удовольствием грыз теплые кости с запахом Его слюны. Всю ночь мякоть убитого козла висела над печкой, задымливаясь и подсыхая. Утром охотник сложил ее в рюкзак и двинулся в обратную сторону. Дар пошел за ним.

Теперь Он шел медленно, перебрасывая ружье из руки в руку, часто останавливался и отдыхал. На одном из привалов достал плащ, бросил под дерево, затем кинул туда же свитер. Поднималось солнце. Над рюкзаком гудело облако из мух, мешок блестел от ползающих по нему тварей. Дар шел сам по себе, и когда Он долго лежал на стволе упавшей сосны, отмахиваясь веткой, пес стал отдаляться, вынюхивая в траве любопытные запахи.

Он отдыхал долго, а Дар уходил все дальше и дальше. Охотник поднялся, тихо окликнул его, но тот не отозвался.

— У тебя своя судьба! — пробормотал Он. — Вдруг примешь хотя бы волчью кончину! — Ввалил на себя рюкзак и поплелся к дому.

А Дар все отдалялся, принюхиваясь к едким таежным запахам зверей, двигался медленно и почти бесшумно, подолгу прислушиваясь к звукам. В его сознании сонными видениями возникали какие-то образы. Вдруг зашевелилась трава, затряслись кусты и ветви деревьев, раздался многоголосый пронзительный визг. Вокруг него вскочило, заголосило и приготовилось к бегству стадо свиней. Поднялось, но не убежало. Шум стих, большая мохнатая свинья грозно уставилась на пришельца, сеголетки и подсвинки, бросившиеся было в разные стороны, стали подтягиваться и окружать его.

Страха не было. Дар сел, удивленно разглядывая зверей. Свинья громко рыкнула и трусцой побежала по склону. За ней косяком понесся выводок. Пес слышал, как они обежали его кругом и снова залегли.

Дар пошел в обратную сторону. По пути придавил лапами выскочившую из травы мышь, раскусил ее, но есть не стал, хотя в животе подсасывало от голода. Охотника на прежнем месте не было. Дар лег там, где пахло мясом, и долго лежал, наслаждаясь звуками и запахами тайги. Все сильнее хотелось есть. Он поднялся и засеменял в обратную сторону, нашел плащ и свитер, лег возле них, ожидая, как всегда, своевременной кормежки.

Он пролежал возле одежды до полуночи, затем, вынохивая след, вернулся к избушке. Здесь лежали погрызенные кости козла и его голова с вываренными мозгами. Сильными клыками Дар разгрыз ее, вылизал мозг.

Прошел день и другой, люди не приходили. Дар снова поймал мышь, с отвращением разжевал и проглотил. Он слышал, что поблизости ходят, не опасаясь друг друга, медведь и кабан-секач. Ни тот, ни другой не проявляли к Дару интереса и не приближались к зимовью. Мир, в который он стремился всю прежнюю жизнь, за разлуку с которым мстил, не принимал его. Изрядно оголодав, Дар поднялся и по выветрившемуся следу поплелся к людям.

— Ваш волчара явился! — постучал в окно сосед.

Прошло четыре дня, как охотник вышел из тайги один, и уже надеялся, что Дар не вернется. Но пес, пошатываясь от голода, стоял в проулке и смиренно оглядывался по сторонам. Друг хозяйки подошел к нему с поводком, туго застегнул ошейник на крепкой волчьей шее, накормил во дворе, увел за реку и снова посадил на цепь сторожить огород от кабанов.

Едва вернулись силы, Дар залаял, забегал вдоль проволоки, с отчаяньем осознав, что грезившийся ему Мир не принимает, а он, пес, один и свободный, не может в нем жить. Уж лучше бы ему не знать того, что узнал и увидел в тайге, лучше было до конца дней сидеть на цепи, чем на краю леса добровольно сдать мечту и свободу. Дар пуше прежнего возненавидел твякующих собак, людей и даже Ее, добрую, ласковую, с приятным запахом рук. Но больше всех ненавидел самого себя с пугливой сучонкой, жившей и прятавшейся где-то внутри.

— Отец! Зачем ты сделал меня таким? — выл он на полную луну.

И она отвечала ему своим сытым сиянием, что невозможно Отцу не дарить жизнь, но если кому-то не достался прямой путь, у него есть возможность выбрать один из нескольких и сделать себя.

— Убить сучку! — рычал он, глядя на звезды.

Она, его хозяйка, как обычно, утром хотела накормить своего любимца, и несла ему в ведре кашу на мясном отваре все с теми же костями козла. Он увидел ее издали, еще из-за речки уловил запах еды. Улыбаясь, Она подходила к нему. Ее запах менялся, становясь все больше похожим на Его. Дар резко бросился на Нее, целясь сжатыми клыками в шею. Она едва успела прикрыться ведром и упала.

— Дарушка! Что с тобой? — спросила она. В ее глазах было удивление, но не было страха. Дара обдали волны прежней любви и доброты, но теперь они так озлобили его, что он рычал, хрипел, задыхаясь в тугом ошейнике, не доставая женщину ни клыками, ни когтями. В ее глазах так и не появилось страха, но они поняли, что прежнего доверия уже не будет, и полукровка сделал выбор.

Он стал подпускать к себе только Его. Они подолгу сидели рядом, слушали шум речки, глядели на ее плещущие воды. Дар тяжело дышал, высунув язык, и перебирал когтистыми лапами, иногда отрывисто взвизгивал, будто поторапливал.

— Я дал тебе волю, — бормотал Он, оправдываясь. — Сам понимаешь, теперь у меня нет выбора!

— Убей пса! — нетерпеливо повизгивал он. — Убей! Собаке собачья смерть! Ненавижу собак.

Урод! Он не смог сделать этого сразу, там, на горе, пока в душе была злость, а теперь попытался переложить освобождение волка на местного алкоголика: предложил ему за убийство бутылку водки.

— Привык к стервецу! — смущенно оправдывался. — Много волчьей крови пролил, хотя они ничего плохого мне не делали, а этого жалко...

— Надо опохмелиться, чтобы рука не дрожала, — хорохорился алкоголик.

— Знаю, — неприязненно злился Он. — Бутылку выжрешь для храбрости, утром припрешься просить другую...

Он налил водки в стакан, придвинул алкоголику. Тот благостно выпил, помолчал. Бросил на язык щепотку соли.

— Ружье дашь? — спросил, начиная торговаться.

— Из малопульки не попадешь. Измучаешь пса ранами. Да и нельзя мне свое ружье портить. Сколько стрелял в собак и ворон — прицел сбивается. Возьми дробовик у соседа, я дам патрон с картечью.

Алкоголик с горемычной тоской взглянул на начатую бутылку, попросил еще сотку, ушел с патроном в руке. Вскоре с речки донесся лай Дара, звук выстрела. Лай стал злей и яростней. Прибежал алкоголик, волоча обшарпанную одностволку.

— Ага! Чуть не загрыз, волчара! А если бы цепь или проволоку перестрелил — хана!

— Промазал, что ли?

— В голову целил! А он как прыгнет! Во! — Показал трясущиеся руки. — Належь, для успокоения.

Охотник выругался, отдал соседу остатки водки, накормил Дара и осмотрел его. Ран не было. Картечь ушла по будке и березе. Опять они долго сидели рядом и разговаривали, будто ничего не произошло.

— Убей собаку! — повизгивал Дар. — Собаке — собачья смерть!

Он опять оправдывался, а утром пришел с ружьем и с рюкзаком, будто собрался в тайгу. Посидел рядом с Даром, крепко обнял его за шею:

— Прости, брат!

Отстегнул цепь, повел в лес, привязал к березе на короткий поводок, сказал еще раз: «Прости!» и щелкнул под ухо. Выстрела не получилось, в старом патроне сработал только капсюль, пуля застряла в стволе. Он выругался, выколотил ее шомполом. «Прости, старик, — бормотал. — Новых патронов нынче не достать, а у этих лет двадцать как вышел срок». Дар нетерпеливо перебирал лапами, ждал и стоял боком, глядя мимо него.

Второй выстрел сработал, но уже по звуку Он понял, что порох сгорел не весь. Струйка крови закапала по густой шерсти на траву. Дар замер, глаза его сделались отчужденными и красными, взгляд обратился внутрь. Кровь пошла, но пес, покачиваясь, все еще стоял на сильных лапах, будто к чему-то прислушивался. Чертыхнувшись, Он вставил первый из подвернувшихся под руку патронов, выстрелил в широкий крепкий лоб. Сразу не сделал этого потому, что сомневался — пробьет ли крепкую волчью кость. Выстрел случился хлестким. Дар вытянул хвост трубой, пустил по нему волну, степенно лег на живот, и грудь его опала в глубоком выдохе. Собака была убита.

— Волк! — пробормотал Он. Сам не зная, зачем и для чего, вынул нож и по самую рукоять воткнул в бок, против сердца.

Волк освободился. С восторженной щенячьей жутью душа его полетела среди деревьев, как прежде в видениях и снах. Сделав большой круг, вернулась к Нему. Он стер с ножа кровь пучком травы, накинуд на плечи рюкзак, низко опустив голову и сутулясь, пошел той же тропой по берегу речки. Душа Дара заглядывала в его потускневшие глаза, носилась по пади, увеличивая круги полетов.

Он подолгу лежал в знакомых местах, почти не отмахиваясь от гнуса, подобрал плащ и свитер, вышел к избушке, затопил жестяную печурку. Тупо глядя в стену сруба, достал из рюкзака бутылку водки, купленную для алкоголика, налил в стакан, выпил, занюхал и зажевал хлебом.

— Ну, почему? — тупея спросил вслух, подразумевая легший на сердце камень. Уставился в темный угол за печкой, где ему представлялись глаза Дара. — Потому что такой же урод, каким был ты! — сам ответил, пристально вглядываясь в одну точку, чувствуя, что душа Дара где-то рядом. — Я много убивал, собак тоже. Почему именно из-за тебя так тошно? Ведь другого выхода не было.

— Ты стрелял в брата! — отвечала душа. И он догадывался, о чем она говорит.

На лес опустились сумерки, из-за горного хребта показался краешек полной луны, она тянула, всасывала в себя освободившуюся волчью душу, но волк противился.

Непослушными руками Он выбрал патрон, показавшийся ему самым надежным. Клацнув затвором, вставил в патронник, упер приклад в земляной пол и налег лбом на срез ствола. Потянулся к курку и не достал его. Надо было разуваться. Он поднял голову и долго смотрел в темную дырку ствола. На его лбу краснел круг с белым отверстием внутри.

— Ты ушел достойно! — разочарованно цокнул языком. — Мне никак нельзя уйти хуже, а помочь будет некому, — пробормотал. — Спаси Бог, терпеть позор всю оставшуюся жизнь! — неприязненно взглянул на остатки водки. Допивать не стал, оттолкнул взведенное ружье в угол, лег на нары и расслабился. Он не любил водки, ему от нее всегда было муторно. Завертелся потолок избушки, набранный из жердей, Он всхрапнул, то проваливаясь в хмельную муть, то выплывая из нее, ощущая рядом с собой освобожденную душу, по доброте или слабости позволяя ей подселиться к своей. Дар щедро отдавал нюх и слух, которые ему больше не нужны, свою силу и стать. Но это были пустяки, больше всего ему не хотелось уносить в другую жизнь любовь к Ней.

— Забери, всю, без остатка! Я не вернусь собакой!

Луна поднималась все выше. Волчьей душе нельзя было опоздать и, сделав свое дело, она радостно полетела навстречу ей, круглой, полной, кроваво-багрового цвета. Небо было безоблачным, на нем высыпал блестящий крап звезд.

Он очнулся на рассвете, когда пробовали голоса первые птички, услышал клацанье когтей медведя, унюхал его запах, хотя расстояние, с которого они доносились, было явно безопасным. Похмелья не было, были слабость и усталость, как после ночи без сна. Не было и навязчивых воспоминаний о вчерашнем убийстве. Было другое: Она пела, и от нее исходил свет такой силы, что душа затомилась разлукой.

Он скинул одежду, вывалился в росе. Этого было мало, он поплескался в ручье и снова ощутил бодрость. С ним пришло желание видеть и обнимать Ее, вдыхать ее запах, глядеть в светло-карие глаза. Он растер тело свитером, вынес ружье, с одной вытянутой руки выстрелил. Патрон был полноценным, пуля запела, отрикошетив от камня, в который целился. Охотник напился чаю, рассмеялся и легко побежал в обратную сторону.

Она не ждала его. Удивилась раннему возвращению, взглянула с любовью и радостью.

— Ты всегда возвращаешься из леса каким-то другим! — сказала, смеясь и отвечая на его объятья. — Сегодня глаза у тебя синие-синие, а борода зеленая, как у лешего. Может быть, ты леший?

— Может быть, — смеясь, ответил он.

— Ты весел, значит, не убил Дара?

— Не убил! — кивнул он, жадно втягивая носом ее запах. — Я дал ему волю!

Дар достойно ушел в лес и больше не вернется.

— Собаки всегда возвращаются. Ты говорил, что волки их не принимают.

— Дар не был собакой! Я ошибся! Это я был волколаком, но ты меня спасешь, не так ли?

Он думал, что все случится именно так, пока бежал к ней. Но дом был заперт, на столе лежала записка: «Прости, милый, но я искала любви, а не замужества, а ты — черная дыра, которую залатать одной только моей любовью невозможно. Позаботься о Даре».

— Ну, нет! — пробормотал Он, бросил рюкзак в угол и стал переодеваться в городскую одежду. — Как же я теперь без тебя?!